

характерный для творчества Н. В. Пигулевской образец органического сочетания филологического и исторического исследования; автор устанавливает взаимные связи, зависимость греческой и сирийской летописной традиции.

Н. В. Пигулевская была одним из наиболее активных исследователей ближневосточных источников по истории Византии и славян. В сборнике впервые на русском языке публикуется статья «Сирийская хроника VI в. о славянских племенах» (с. 149—152), анализирующая исторические сведения о славянах, принадлежащие современнику появления славянских племен в пределах Византии в конце VI в. Работа «Византия и славяне» (с. 131—148) является лекцией, прочитанной в 1944 г. в Казанском университете; в сжатой форме она рисует выдающуюся культурно-историческую роль славянских народов, определяет направления и задачи дальнейших исследований в этой области.

«Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в.» (с. 223—227) рассматривает важную для истории культурных связей средневековья проблему отношений различных народов путем передачи религиозных идей.

Уже в первых своих исследованиях Н. В. Пигулевская проявила особый интерес к социальной, идеологической и культурной истории Ближнего Востока и Византии. Примером такого интереса является впервые публикуемая статья «Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху» (с. 94—109), написанная в 1923 г. Статья интересна как документ, отражающий веку не только на творческом пути автора, но и в истории становления советской историографии Ближнего Востока. Н. В. Пигулевская стремилась выявить социальные основы религиозно-идейных противоречий древнего иудейского общества. Работа «Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи» (с. 67—94), также впервые публикуемая, свидетельствует об упорчении и углублении интереса Н. В. Пигулевской к социально-экономической тематике. Написанная в 1940 г. в качестве раздела курса лекций, читавшегося Н. В. Пигулевской в Ленинградском университете, эта статья явилась первым обобщающим трудом ученого, в котором были предприняты попытки широкого марксистского осмысления истории Ближнего Востока, выражены его представления о специфике социально-экономического развития ближневосточных областей. Работа представляет интерес как ядро дальнейших исследований Н. В. Пигулевской, нашедших свое развитие в монографии «Города Ирана в раннем средневековье».

В научных разработках Н. В. Пигулевской большое внимание с конца 30—40-х годов уделяется истории ближневосточного и византийского города, впервые нашедшее свое отражение в ее работах «Месопотамия на рубеже V—VI вв.» (Л., 1940) и «Оборона городов Месопотамии в VI в.» (УЗ ЛГУ, 1941, вып. 12, сер. ист. наук). Интерес к сравнительно-историческому изучению города, организации его производства и торговли, вопросу о роли и значении международной торговли не ослабевает в последующие годы и находит свое плодотворное выражение в монографиях «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.» (М.—Л., 1946); «Византия на путях в Индию» (М.—Л., 1951), «Города Ирана в раннем средневековье» (М.—Л., 1956).

В статье «Сирийская культура средних веков и ее историческое значение» (с. 168—186), впервые напечатанной в 1941 г., проявляется интерес Н. В. Пигулевской к широким проблемам истории культуры. Очерк содержит «первую не только в советской, но и в мировой науке характеристику сирийской культуры средневековья и ее роли в общем процессе исторического и культурного развития человечества» (с. 7). Статью, в которой также ставятся определенные задачи сириологических исследований, рассчитанных на многие годы, можно рассматривать как своего рода набросок, сводку проблем еще не изданной монографии «Культура сирийцев в средние века».

Вопросу о международных экономических и культурных связях посвящена впервые публикуемая последняя статья Н. В. Пигулевской «Об историческом значении надписи RES 4337» (с. 217—222), содержащая анализ южноарабского эпиграфического памятника. Работа интересна и как пример конкретного исследования в рамках разработанной Н. В. Пигулевской комплексной программы изучения экономических, политических и культурных связей между Востоком и Западом. Эта программа исследований была выдвинута в тезисах «Шелковая дорога» (с. 65—67), которые издаются впервые.

Конкретные работы в различных областях истории и культуры, обобщающие труды, программа новых перспективных работ — таков состав сборника.

В. Н. Заважин

И. Е. Караγιανноπουλος.

Ἡ βυζαντινὴ ἱστορία ἀπὸ τὰς πηγὰς. Thessalonike, 1974, II+298 p.

Книга И. Караγιаннопулоса «Византийская история в источниках» — по сути дела хрестоматия по внутренней истории Византийской империи. Она состоит из фрагментов источников разного характера (нарративных текстов, законодательных памятников, документов и т. п.) и разного размера, приводимых в оригинале (исключение составляет небольшой отрывок из Табари во французском переводе), без какого-либо комментария. Лишь в начале подразделов и изредка перед отдельными фрагментами помещены краткие предварительные замечания. В конце книги дается характеристика

использованных в хрестоматии источников и выборочная библиография общих трудов, справочников и словарей. О существовании аналогичных изданий на русском и болгарском языках Караяннопулос не упоминает.

Сам автор разделил свой материал на 4 части: Теория императорской власти, Римейское (византийское) государство, Административное устройство. Общественная жизнь и экономика. В действительности же книга распадается на две неравные части: первая из них посвящена государственно-административной структуре и, кстати сказать, именно сюда должен быть отнесен первый раздел 4-й части («Императорский двор»); все это занимает с. 7—166. Вторая часть (с. 167—235), освещающая хозяйственную и общественную жизнь империи, вдвое меньше первой. Культурная жизнь Византии не нашла своего специального места, если не считать случайных подразделов, как-то «Образование» (с. 194 и сл.) и «Врачи и учителя» (с. 203).

В первой части первостепенное внимание уделяется организации армии и флота (с. 67—93) и, что особенно примечательно, византийской дипломатии (с. 113—130) — вопросу, как известно, почти совершенно не освещенному в специальной литературе. Напротив, кажется неожиданным сравнительно незначительное место, отведенное греческим историком церкви (с. 131—139). Вторая часть распадается на три раздела: Общая характеристика византийского общества (с. 167—195), Город (с. 196—219) и Аграрные отношения (с. 220—235). Распределение материала между ними не всегда представляется достаточно оправданным или во всяком случае единственно возможным. Так, скажем, почему подразделы о патронате (с. 172 и сл.), мерах против династов (с. 173—179), пронии (с. 184 и сл.) оказались не в разделе «Аграрные отношения»?

Материал не распределен по периодам и даже внутри подразделов далеко не всегда располагается в хронологической последовательности, отчего создается впечатление абсолютной неизменности византийских общественных и политических порядков, что, насколько я понимаю, соответствует концепции автора книги.

При всех этих возражениях, отчасти объяснимых известной новизной жанра, книга Караяннопулоса окажет немалую службу всем изучающим внутреннюю историю Византии, и не только греческим студентам, на которых она в первую очередь рассчитана.

А. К.

Eusebius Werke, I, 1: Über das Leben des Kaisers Konstantin. Herausgegeben von F. Winkelmann. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte». Berlin, Akademie-Verlag, 1975, LXX+266 S.

Ф. Винкельман переиздал памятник, давно уже вошедший в научный оборот, — «Жизнеописание императора Константина», приписываемое всей рукописной и исторической традицией Евсевию Кесарийскому. В основу издания положена Ватиканская рукопись (Vat. gr. 149) первой половины X в., которая, однако, не дает безупречного текста и, в частности, обнаруживает ряд пропусков и мелких погрешностей; поэтому Винкельман использует как другие манускрипты, в том числе пергаменный Московский список (ГИМ № 405)¹, так и то, что он называет «непрямой традицией», т. е. параллельные свидетельства (текст части константиновых документов, приводимых в «Жизнеописании» II, 24—42, с. 58—66, содержится в приложении к евсевию «Церковной истории»; другие документы передаются в сочинениях церковных историков конца IV—V вв. Геласия Кесарийского, Сократа, Феодорита Киррского и др. — подчас в лучшей форме, нежели в списках «Жизнеописания») и поздние жития Константина, из которых древнейшие не имеют параллелей с Евсевием и, следовательно, не дают материала для критики текста «Жизнеописания». Только в константинопольском минологии начала XI в. и в житии из пергаменной рукописи XII в. (Vat. gr. 822) было использовано сочинение Евсевия, причем сохранившиеся списки дают подчас лучший текст, нежели рукописи «Жизнеописания», или же совпадают с Московским и другими манускриптами, расходясь с Ватиканским. Это обстоятельство позволило Винкельману подчеркнуть известную достоверность традиции, сохраненной Московским манускриптом².

В издании Винкельман стремился по возможности опираться на рукописные тексты, избегая вкусовых конъектур, основанных на стилистических принципах. Он считает, что Евсевий далеко не всегда руководствовался нормами классического языка и что «Жизнеописание» не было им окончательно отредактировано, сохранив в силу этого стилистический разноречивый. Поэтому там, где рукописи предлагают осмысленный

¹ Каталог архимандрита Владимира относит эту рукопись к XI в., Винкельман датирует ее XII в., однако, по мнению Б. Л. Фонкича, она написана литургическим минускулом XIV столетия.

² В предисловии Винкельман суммирует и развивает выводы, сделанные им ранее. См. прежде всего *Winkelmann F. Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea*. Berlin, 1962. Обзор агиографических легенд о Константине см. *Winkelmann F. Ein Ordnungsversuch der griechischen hagiographischen Konstantin-viten und ihrer Überlieferung*. — In: «Studia byzantina», II, 1973.